

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ЭПИДЕМИЯ

НОВОЕ, НЕИЗДАННОЕ И ИЗБРАННОЕ

Капитаны русской фантастики

Евгений Лукин

Эпидемия

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Лукин Е. Ю.

Эпидемия / Е. Ю. Лукин — «Феникс», 2023 — (Капитаны
русской фантастики)

ISBN 978-5-222-40790-5

В новый авторский сборник замечательного отечественного писателя-фантаста вошли повести «Рядовой Леший», «Тихушники», «Приблудные» и подборка рассказов. Проделки нечистой силы, телепортация, путешествия во времени и настоящий конец света... Невероятно остроумные, во многом пророческие и зачастую пугающие произведения автора не оставят равнодушным ни одного настоящего ценителя фантастики и просто хорошей литературы. Большая часть произведений, вошедших в сборник, публикуется впервые.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-40790-5

© Лукин Е. Ю., 2023
© Феникс, 2023

Содержание

Рядовой Леший	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Лукин

Эпидемия

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Текст: Евгений Лукин, 2023

© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Рядовой Леший

Глава 1

Приняли мы с Лёхой Лешим второй самосвал, прилегли на мелкий теплый щебень, раскурили одну «приму» на двоих. Лежим, смотрим в небо. В азиатское, серое от зноя небо.

– А знаешь, – задумчиво признался он вдруг, – я ведь и впрямь леший...

Шел 1974 год. Смартфонов в ту пору еще не изобрели, библиотеки в дивизионе не было, телевизор «деды» нам после отбоя смотреть запрещали, вот и приходилось развлекать друг друга небылицами. Роль рассказчика обычно доставалась мне. Лёха – тот больше молчал да слушал. А тут, глянь, и сам до байки дозрел!

– Нечистая сила, что ли? – понимающе ухмыльнулся я.

– Ага...

– Как же тебя в армию забрали? Или теперь и леших гребут?

– Да тут, видишь, какое дело... – сказал он, покряхтев. – Подстерегли меня однажды двое наших...

– Каких это ваших?

– Н-ну... леших...

– Та-ак... И что?

– Отметелили, связали и бросили. Прямо там, на опушке...

Я докурил по-честному до половины и отдал сигарету Лёхе.

– Вот суки! – посочувствовал я. – А с чего это они?

Ответил не сразу, затянулся неспешно пару раз.

– Да я у них салабоном считался. Ста лет еще не исполнилось...

– Гляди-ка! Выходит, в лесу тоже дедовщина?

– А то нет, что ли? – хмуро отозвался он. – Связали, оставили... День лежу, второй лежу...

– погоди, не выбрасывай! – всполошился я. – Там еще затяжки на две!

Вынул из панамы иголку, отобрал чинарик, наколол его сбоку (пальцами-то уже не ухватишь), поднес ко рту.

– Лежу, – повторил Лёха еще мрачнее. – Ну все, конец мне, думаю...

Последняя затяжка опалила губы.

– погоди, – перебил я, стряхнув с иголки огонек и отправив ее на место. – Как это конец? Лешие разве не бессмертны?

– Да так, знаешь... Если обездвижить надолго, деревенеть начнет, усыхать...

– Окаменелостью, что ли, станет?

– Нет. Не окаменелостью. Корягой. Я ж говорю: деревенеет...

– Насовсем, или...

– Бывает, что и насовсем.

С невольным уважением покосился я на рядового Лешего. Не ожидал я от него столь грандиозной, а главное, столь подробной и достоверной залепухи.

Честно сказать, в карантине он казался мне обычным деревенским валенком. А потом, когда нас уже в дивизион распределили, – то ли привык я к нему, то ли сам Лёха схватывал все на лету, но и речь у него стала посложнее, и фантазия, как видим, разгулялась. Ну да с кем поведешься...

– Так чем дело кончилось?

– Повезло мне! Смотрю: идет через опушку парень. Грустный такой, башка стрижена... Окликнул я его. Помоги, говорю, добрый человек, развяжи... Что хочешь для тебя за это сделаю!

– А он?

– Спрашивает: ты кто? Леший, говорю. А он мне: да нет, это я Леший.

– Та-ак...

– Ну фамилия у него была – Леший!

– Да я понял. Развязал он тебя?

– Развязал. Теперь, говорю, проси что хочешь. А у него, слышь, глазенки вспыхнули. Отслужи, говорит, за меня в армии! Я, конечно, прибалдел сперва, потом прикинул, думаю: ну а что? Два года – это ж не двадцать пять лет! Это раньше при царе четвертак служили. Скорчил его морду, забрал паспорт – и на призывной пункт. Так вот сюда и попал...

– Лёха... – выговорил я с восхищением. – Слушай, Лёха... Как дембельнешься, начинай романы писать. Большие деньги заработаешь... Нет, кроме шуток...

Тут я заметил, что рядовой Леший не слушает. Вернее, слушает, но не меня.

– Лежи не двигайся, – тихо предостерег он.

Я приподнялся на локте и оглядел окрестности. Чуткий Лёха, как всегда, не ошибся: со стороны радиотехнической батареи к нам приближалась опасность в лице рядового Горкуши. Сапоги у рядового гармоникой, рукава закатаны по локоть, бляха ремня сияет в области детородных органов, тулья панамы промята на ковбойский манер.

Я встал. Не на вытяжку, понятно (это уж было бы чересчур), но и оставаться в горизонтальном положении также не стоило.

– Ну не падлы, а? – плаксиво спросил рядовой Горкуша, подойдя вплотную и устремив на меня синие горькие – под стать фамилии – глаза.

– Так точно! – отрапортовал я. – Падлы, товарищ старослужащий!

А сам все ломал голову: почему это он до сих пор не обратил внимания на лежащего рядом Лёху?

– «Дедушку»! – трагически вскричал рядовой Горкуша. – «Дедушку» во внутренний наряд! Дневальным! На тумбочку! Со штык-ножом!.. Это что?

– Бардак, товарищ старослужащий!

– Кровь пьют шлангами! Хрящ за мясо не считают!

– Так падлы же!.. – истово поддакнул я.

И смягчился рядовой Горкуша, подобрел.

– Ну ты все понял, да? – уточнил он на всякий случай.

Полагаю, выражение глубокого искреннего горя оттиснулось на моих чертах вполне убедительно.

– Так точно, понял! А заменить не смогу. Заступаю в караул. Первый раз.

Рядовой Горкуша был потрясен услышанным. Даже снял зачем-то панаму. Костлявый, кадыкастый, бледный, какой-то весь вывихнутый, стриженный под ноль... Огляделся в поисках другой жертвы. Но нет, никого не видеть. Кругом поросшие верблюжьей колючкой унылые серо-зеленые бугры, да белеет вдаль бетон пятого капонира.

– А где этот... Леший?

Я осторожно покосился на Лёху. Тот лежал неподвижно и смотрел на меня. «Молчи», – прочел я в его глазах.

– Был здесь... – осторожно соврал я. Впрочем, почему соврал? Действительно ведь был здесь. И есть.

– А теперь где?

В недоумении я развел руками:

– Лопата – вот...

Лопата валялась в полуметре от Лёхи.

– Найду – дыню вставлю, – кровожадно пообещал Горкуша. – Поперек!

Нахлобучил панаму и двинулся сердито-расхлябанной походкой в сторону стартовой батареи. Рядового Лешего он там, разумеется, не встретит. А значит, стоять на тумбочке со штык-ножом суждено рядовому Клепикову – он сейчас возле курилки верблюжью колючку вырубает.

Лёха тем временем шевельнулся.

– Говорил же: лежи не двигайся... – упрекнул он.

– Как это ты?..

– Молча!

– Да я заметил, что молча... Ты что, глаза отводить умеешь?

Лёха вздохнул:

– Когда-то умел...

– Эх ни хрена себе! А сейчас это что было?

– А сейчас, видишь, замереть пришлось. Вот если бы в лесу... Там хоть пляши – никто не заметит. А тут чуть шевельнулся – вмиг углядят!

– То есть в лесу, значит, попроще...

– Ну а как же!

– А ты не из цыган, Лёх?

– Из леших я...

Тут со стороны солдатского городка подкатил третий самосвал – и взялись мы снова за лопаты.

* * *

С этого дня мы с Лёхой как бы поменялись ролями: уж больно показалась мне интересной эта наша новая игра в лешего. Я спрашивал – он отвечал. Я его ловил на вранье, а он выкручивался. И выкручивался, доложу я вам, виртуозно.

Следовало, правда, выбирать для таких бесед место и время. А то, помню, перепугали однажды чуть не до полоумия «шнурка»-узбека из нашего призыва. Послушал он нас, послушал, потом вскочил с груди только что разгруженного щебня и жалобно закричал:

– Д-дураки!..

И кинулся прочь.

С тех пор поостереглись. Если и развлекались подобным образом, то наедине, без лишних ушей.

– Значит, говоришь, скорчил ты его морду... И сейчас тоже корчишь?

– Да как тебе сказать... Привык за два месяца. Вроде приросла...

– Ладно! А кого-нибудь другого скорчить – слабб? Рядового Горкушу, к примеру...

– Ну его на фиг! – По-моему, Лёха даже содрогнулся слегка, представив такую попытку.

– Хорошо, не Горкушу... – поспешил исправиться я. – Меня давай.

– Я что, за всех служить подряжался? – вспыхнул он. – Мне вон одного Лёхи Лешего за глаза хватает!

– Нет, ну я ж не прошу тебя в самом деле прикинуться! Я спрашиваю: можешь или нет?

– Да хрен его теперь разберет... – отвечал мне с тоской рядовой Леший. – Иногда кажется: совсем разучился. После карантина напрочь все отшибло. Даже пробовать боязно...

– А вообще трудно служить? – сочувственно спросил я.

– А то сам не знаешь!

Забаву пришлось прервать. Дверь столовой открылась, и вошел старшина Лень. Оглядел столы с перевернутыми лавками на них.

– Не понял!.. – взмыл его звонкий зловеще-ликующий голос. – Это что за пол такой? Вы его мыли, нет?

– Два раза перемывали, товарищ старшина!

– Хреново перемывали! Тряпку в зубы – и вперед!

Вышел.

Пол взбрызнули и протерли. Главное – что? Главное, чтобы линолеум влажный был и блестел.

Вот в казарме, когда дневалишь, там сложнее. Собственно, казармой нам служил старый ангар с четырьмя рядами шкафов, финской дизельной печкой и черно-белым ламповым телевизором на сваренной из арматурин подставке. А самое грустное – полы в ангаре были бетонные. Вымоешь разок с хлоркой – и кожа на пальцах становится, как у девочки, тонкая и прозрачная.

– Лёх, – продолжал допытываться я, – а какой ты на самом деле был? В лесу...

– Да какой хочешь! – буркнул он. – Без разницы...

– Ага... – пробормотал я, соображая. – То есть в кого пожелаешь, в того и перекинешься... А сила откуда? Деревья, небось, помогали?

– Да в основном деревья...

– А у нас тут, значит, ни деревца... Одна верблюжья колючка, так?

– Так...

– Нет, но перед казармой-то – акации!

– А толку? Они ж тоже на территории!

– Понял... То есть нужны не просто деревья, а гражданские деревья?

– Н-ну... в общем... да.

– погоди! А за территорией? Там же колхозные виноградники, сады... Тоже ведь растительность! Или это не то?

– Может, и то... – уныло ответил он. – А как туда попадешь?

– Через дырку.

– А «деды» узнают?

Да, верно... Пока не отслужил хотя бы полгода, о дырке и думать забудь. Высокое право на самоволку надо еще выстрадать.

* * *

Случай нам представился всего пару дней спустя. Сидели в курилке перед ангаром и при этом, обратите внимание, не курили, что в глазах окружающих равнозначно уклонению от исполнения воинских обязанностей. Невесть откуда возник смутно знакомый старлей.

– Вы двое, – определил он и направился в сторону КПП.

Мы, понятно, последовали за ним.

– Со мной, – бросил он дежурному.

Так впервые за два месяца мы оказались «на гражданке».

Достигли поворота и увидели заглохший невоенный грузовичок с какой-то подержанной мебелью в кузове. Поднажали втроем, подтолкнули. Грузовичок завелся, зафырчал. Старлей тут же забрался в кабину к шоферу и уже из окошка сообщил:

– Свободны. Долóжитесь на КПП.

И подумали мы: а почему бы нам не дать крюка и не пройти через виноградник?

Ах какой это был виноградник! Дамские пальчики вполне мужского размера. Кисловат еще, правда, но сойдет. Я подумал и сорвал гроздь – поменьше, чтобы успеть слопать все по дороге. Лёха последовал моему примеру.

– Ну и как? – осведомился я, гурманствуя. – Способствует растительность?

– Чему?

– Способностям!

Рядовой Леший хотел ответить, но не успел – нарвались мы с ним на приключение. Из-за шпалеры вышел навстречу нам смуглый юноша в тубетейке и с берданкой за плечом.

– Замер! – негромко скомандовал Лёха – и я замер.

Сторож моргнул и отшатнулся, уставившись туда, где только что стояли два мародера в военной форме, а теперь вот взяли вдруг да исчезли. Потом скинул с плеча свою одностволку и принялся озираться. Я, честно сказать, струхнул. Сейчас пальнет куда попало... А ну как в нас!

Рядовой Леший медленно поднял руку, опустил, всмотрелся в испуганно мечущиеся карие глаза, потом повернулся ко мне и, кивнув, двинулся в обход ошарашенного туземца. Я, понятно, за ним.

– Гляди-ка... – подивился Лёха, когда мы, выбравшись на бетонку, перевели дыхание. – И вправду ведь способствует...

– Кто?

– Растительность...

У меня, признаюсь, екнуло под ложечкой. Тут уже, простите, не игра, тут уже чертовщина какая-то начинается. К счастью, вспомнилась читанная когда-то статейка об уличном гипнозе. Все-таки, наверное, Лёха из цыган – там у них в таборе, по слухам, еще и не такое проделывают. Да и фамилия какая-то вроде цыганская...

Глава 2

Да наверняка цыган! Уже на следующее утро подпитавшийся от гражданской растительности рядовой Леший начал, попросту говоря, наглеть. Скажем, по команде «подъем» положено одеться и занять свое место в строю за сорок пять секунд. Так вот, надо было видеть, с какой теперь солидной обстоятельностью экипируется мой друг Лёха. «Деды» и те уже построились, проверка вовсю идет, а он еще только верхнюю пуговицу застегивает. Неспешно этак...

Жутковатое, между прочим, зрелище. Одно дело, согласитесь, отвести глаза рядовому Горкуше или там сторожу с берданкой, но чтобы всей казарме...

И главное, никто ничего не замечает! Кроме меня.

Кстати, а почему? Почему я Лёхины проделки вижу, а остальные – словно ослепли? Спросил его об этом.

– Могу и тебя обморочить, – невозмутимо предложил он. – А надо?

Да нет, пожалуй, не надо.

– Слышь, Лёх! А если б ты его обманул?

– Кого?

– Ну того, кто тебя развязал! Взял бы и не пошел в армию...

– Ну так... Уговорились же!

– И что?

Задумался Лёха.

– Нет, ну... – неуверенно начал он. – Узнают – слава пойдет...

– Кто узнает? Другие лешие?

– Ну да...

– Так они уж тебя и так отметилили, связали... чуть корягой не сделали!.. Чего терять-то? Совсем смешался Лёха. Но опять-таки вывернулся.

– Нет, – решительно сказал он. – Совестно как-то... Он меня выручил, а я вдруг... Нет. Да и Родине долг отдать...

Услышав про долг Родине, я не выдержал и заржал, причем долго не мог остановиться. По-моему, Лёха обиделся.

* * *

А потом выпал на нас майор Карапыш, замполит дивизиона. Портрета его я здесь приводить не буду, поскольку портрет в точности соответствовал фамилии. Карапыш – он и есть Карапыш.

Хотя нет, вру. Никак это не могло случиться потом. Случилось это как раз перед нашей вылазкой в виноградники. Поймал нас политрук на плацу, поставил по стойке «смирно» – и приступил к перевоспитанию. Зловеще, с присвистом:

– Вы что творите? Ваши отцы кровь на войне проливали, а вы тут религиозную пропаганду разводите! Кто из вас леший?

Какая ж это, интересно, сука стукнула? Не иначе тот «шнурок»-узбек.

– Я, товарищ майор!

Ошалел Карапыш. Не ожидал он столь прямого, а главное – бесстыдно-го ответа. Видя, как начальство хватается ртом, я сообразил, что мы рискуем лишиться нашего замполита, и пришел на выручку:

– Фамилия у него такая, товарищ майор! Леший.

Лёха поспешно полез в нагрудный карман френчика и предъявил в доказательство военный билет.

Карапыш ошалел повторно.

А на следующий день мы, как я уже рассказывал, посетили колхозные виноградники – и больше к Лёхе политрук не цеплялся ни разу.

Зато прицепился однажды ко мне. Конечно! Коли не владеешь уличным гипнозом, всяк норовит обидеть...

– Надо нарисовать плакат, – поставил он меня перед фактом.

– Товарищ майор, я не умею.

– Нет такого слова в армии – «не умею». Какое у вас образование?

– Незаконченное высшее, товарищ майор!

– В школе преподавали?

– Так точно, товарищ майор! В сельской.

– Ну вот! А чего ж вы тогда?

У меня был только один выход, и я им воспользовался: решил выполнить работу хуже некуда. Старался как мог. Клянусь, даже из-под кисти Остапа Ибрагимовича Бендера не выполняло ничего более уродливого: буквы кренились в обе стороны, наезжали друг на друга и тут же разбегались навсегда. Для вящей убедительности текст изобиловал помарками, кляксами и грубыми орфографическими ошибками. Я бы даже сказал, цинично грубыми.

– Ну вот! – жизнерадостно вскричал майор Карапыш, увидев мое творение. – А говорил: «не умею»!

И приказал повесить это убоище на стенд.

* * *

Проснулся я, как всегда, минут за пять до утренней пробудки, только вот с ощущением смутного беспокойства. Лежал, не шевелясь, под простыней и тревожно прислушивался к себе. А уж когда дневальный гаркнул подъем и рядовой Леший, вопреки обыкновению, наравне со всеми скатился с койки, кинулся к своей тумбочке и принялся судорожно влезать в штанины, я окончательно осознал, что день нам предстоит необычный и непростой.

В строй мы с Лёхой стали одновременно.

– Чего это ты? – тихо спросил я.

– Не знаю, – с трепетом отозвался он. – Что-то предчувствие у меня какое-то...

Предчувствие, похоже, одолевало всех. Даже вышедший к нам старшина Лень и тот выглядел на этот раз не слишком самоуверенно.

– Отдохнули за месяц? – с нервной ехидцей осведомился он. – Жирок вокруг пупка завязался?.. Будем жирок растрясать.

И приступил к проверке.

– Ребята, что случилось? – шепнул я.

– «Дед» из отпуска вернулся, – прошептали в ответ.

– Какой «дед»?

– «Дед» Сапрыкин. Командир батареи...

О комбате мы с Лёхой были уже наслышаны, хотя еще не видели ни разу. В отпуск он ушел в тот самый день, когда мы появились в дивизионе. Личность настолько легендарная, что воспринималась нами как какой-нибудь, я не знаю, фольклорный персонаж. Мифологический. Вроде того же лешего.

Кстати, прозвище «Дед» применительно к офицеру – верх уважения со стороны нижних чинов. Все равно что присвоенный поручику солдатский Георгиевский крест.

На общем построении я комбата хорошенько не разглядел. Такая возможность представилась мне лишь на огневой позиции. «Дед» был приземист и громоздок, как Вий. Из-под козырька офицерской фуражки виднелись крупный бугристый нос, жестко сложенные губы и

нечеловечески широкий подбородок. Казалось, подведут сейчас к майору кого-либо в чем-то виноватого – и прозвучит глуховатый подземный голос: «Поднимите мне козырек...»

– Всем разойтись, кроме майского призыва...

И остались мы, девять салажат, перед таким страшилищем.

– Хрен знает кого уже призывать стали... – проворчал комбат. – Хромые, очкастые... –

Чуть запрокинув голову, оглядел обмершую шеренгу. Взгляд его остановился на Лёхе.

– Рядовой Леший! – немедленно отпраповал тот.

– Леший, говоришь?.. Что умеешь?

– Ничего не умею, товарищ майор!

Искренний ответ, но безрассудный. Хотя, похоже, комбата он даже позабавил.

– Ну а конкретно... Что именно не умеешь? В карты играть умеешь?

И я увидел, как рядовой Леший побледнел.

– Никак н-нь... Т-то есть... Так точ-ч... э-э...

– Два наряда вне очереди!

– Есть два наряда вне очереди! – с облегчением выпалил рядовой Леший.

* * *

Да уж, майор майору рознь. Это вам не Карапыш какой-нибудь. Впечатлил он меня. Сильно впечатлил. Что до Лёхи – тот был просто подавлен. Таким я его еще не видел.

– Слушай, по-моему, он меня расколол...

– Кто? Комбат?

– Ну да... Насквозь видит...

– Через козырек?

Крякнул Лёха, с досадой тряхнул стриженной башкой. Башка у него была, кстати, клиновидная, чуть сплюснутая с висков.

– И на хрен я соглашался? – горестно молвил он. – Глядишь, еще бы кто по той опушке прошел... развязал бы... Главное, сидит сейчас где-нибудь в забегаловке, пиво, небось, пьет, а тут за него...

И я наконец разозлился:

– Слышь! Лёх! Завязывай, да? Хватит уже, наигрались в лешего...

Он лишь печально покосился на меня и не ответил.

– Короче, ты! Цыган... – начал я с подковыркой.

– Я не цыган!

– Ладно, не цыган... Леший. А комбата надурить – слабó?

Лёха вздохнул:

– Надуришь такого...

– А чего он тебя про карты спрашивал?

– Ну так меня ж почему связали и бросили? – взвыл Лёха. – В карты я у них выиграл!

А они говорят: мухлюешь!..

– Лешие?

– Лешие!

И я вновь восхитился, как он, зараза, выкручивается!

– На что играли хоть?

– На белок.

– А ты правда не мухлевал?

Помолчал, посопел:

– Да так... немножко...

И я даже сам не заметил, как вернулся в прежнюю колею.

– Слушай, – сказал я. – Вот ты говоришь: сидит пиво пьет... Ну этот... настоящий Лёха Леший... Так он же теперь никто, получается! И звать его никак! Паспорта нет, прописки нет, на работу хрен устроишься... Два года скрываться? Нет, уж лучше отслужить...

– С таким комбатом? Ну на фиг...

– А долг Родине отдать?

– Да иди ты...

* * *

– Оу! Ты! Боец!

Чисто инстинктивно оправил ремень, обернулся. В курилке сидел рядовой Наумович, а рядом с ним стояло пустое оцинкованное ведро. Устремленный в мою сторону взгляд старослужащего показался мне сильно озадаченным.

Предчувствуя недоброе, приблизился я к курилке.

– Сядь, – велел Наумович и похлопал по доске.

Деликатно присел.

Рядовой Наумович – тоже «дедушка», но в отличие от рядового Горкуши куда более вменяем. Оба прокалывают иглой дни в карманном календарике, оба считают, сколько осталось до дембеля, но чувства у них при этом, поверьте, совершенно разные. Горкуша – тот втайне сознает, что дома «на гражданке» ничего хорошего его не ждет, вот и упивается властью напоследок, а Наумович... Этот, пожалуй, попроще, понаивнее.

– Дружишь с Лешим? – отрывисто спросил рядовой Наумович.

– Дружу.

– И чего он?

– Н-ну... Леший.

Замолчал старослужащий. Надолго.

– Случилось что-нибудь? – осмелился я полюбопытствовать.

– Дал... ему... ведро, – тяжело одолевая каждое слово, заговорил рядовой Наумович. – Послал к старшине... в каптерку... Говорю: принеси...

– Ведро сельсин-датчиков? – догадался я.

– Угу...

Извечная хохма наших «дедушек». У старшины Леня очень плохо с чувством юмора, зато очень хорошо с чувством собственного достоинства, так что посланному в каптерку салабону влетает всегда по первое число.

– И что?

– Принес...

– Ведро сельсин-датчиков?! – не поверил я.

Мрачный кивок.

– Как они хоть выглядят? (Меня это и впрямь сильно интересовало.)

– Так... хрень какая-то...

– И где они?

Клянусь, большего недоумения мне еще ни на чьем лице видеть не доводилось.

– Когда принес, в ведре были...

И мы оба повернулись к пустому оцинкованному ведру.

* * *

– Лёха! – прошипел я, поймав своего дружка за ангаром, где тот копал траншею. – Ты что, совсем нюх потерял?

– А что такое? – не понял он.

И я рассказал ему про Наумовича.

– Сегодня же всем растреплет! Не он – так старшина Лень!

– Да я к старшине и не ходил даже...

– Без разницы! Одного Наумовича хватит!.. Неужели нельзя было, я не знаю... память ему, что ли, отшибить?..

Лёха вогнал лопату в грунт, поморгал растерянно.

– Слушай, не догадался... – виновато промолвил он.

Эх ничего себе! Так он еще и память отшибать умеет?

Глава 3

– Значит, говоришь, ведро сельсин-датчиков?

Комбат сидел посреди бытовки на табурете, уперев кулаки в колени, недвижимый, как идол. Облачен в галифе, сапоги и майку-алкоголичку. Глаза, по обыкновению, скрыты козырьком офицерской фуражки.

Я укоризненно покосился на Лёху. Леший он там, не леший, а смекалки солдатской – ни на грош. Взять ту же траншею. Зачем копал? Внуши сержанту, что траншея выкопана, – и все дела. Все равно потом закапывать!

Теперь вот с сельсин-датчиками. Слухи по дивизиону разлетаются мгновенно. Ничего удивительного, что о Лёхиных проказах «Дед» Сапрыкин уже был наслышан. Другое удивляло: затребовал к себе нас обоих.

Медленно, как орудийная башня, повернулся ко мне козырек.

– А ты... – сказал комбат и приостановился. Мне стало зябко. – Считаю, что с сегодняшнего числа... Комсомолец?

– Никак нет, товарищ майор!

– Почему?

– Исключили, товарищ майор! Еще в институте!

– За что?

– За аморалку! На летней практике!

– С кем?

– Со старшей пионервожатой!

– А-а... Ну это... бывает... Словом, с сегодняшнего числа ты – мой заместитель по политической части.

Умолк вновь. Не смея дыхнуть, мы ждали продолжения.

– Позвонили «комиссару». Из штаба округа, – скупно отмерил он информацию. – Едет к нам проверка.

Делать им нечего в этом штабе округа! Мы – строящийся дивизион, нам бы к осени третий капонир как-нибудь до ума довести, а они наглядную агитацию проверять! Знаем мы эти проверки. Снимут сейчас с бетонных работ всех заподозренных в художественном таланте – и сяди рисуй плакаты. Все спят, а ты рисуй. Потом наедет какое-нибудь вышестоящее существо, глянет мимоходом – и сгинет, после чего стенд снова станет крышкой теннисного стола, а изрисованную тобой бумагу (не ватман – он у нас был в дефиците) сорвут и отправят по назначению.

– Бытовка, – неумолимо продолжал комбат. – Бытовку – оформить, оборудовать. Красный уголок. График политзанятий.

А все Карапыш! Не заставь он меня тогда заняться живописью, глядишь, обошлось бы... Я с ужасом оглядел стрельчатые своды нашего тесного подземелья – бетонного закутка, ограниченного с боков монолитными стенами. За левой (глухой) стеной таился дизель, за правой (с дверью) – кабина управления стартом.

– Товарищ майор, – отважился я. – А когда...

– Завтра.

– Товарищ майор! Да как же я до завтра...

Усмехнулся:

– А я тебе помощника дам. Вот рядовой Леший... Чем не помощник?

– Так он же ни петь, ни рисовать!

– А и не надо, – успокоил «Дед» Сапрыкин. – Будет на подхвате. Подержать, подсобить... сбегать куда... с ведром...

Услышав про ведро, я обмер. Намек был более чем прозрачен.

* * *

Да уж, выпала мне ночка. Вовек не забуду. Главное, знаешь же, что не успеешь в любом случае, а все равно, как говаривали в деревне, где я учительствовал полгода, из дресен вылазишь. Лёху я гонял вовсю (подай-принеси) и лишь стискивал зубы, чтобы лишний раз не обматерить закадычного своего дружка.

Разумеется, вы вправе спросить, ради чего я так упирался рогом. На подхвате-то не кто-нибудь, а рядовой Леший с цыганскими своими фокусами...

Ну а вдруг? Проверка-то – из штаба округа! Ладно бы свои! Даже если отведет им Лёха глаза... От чего отводить-то? От голых стен? Значит, что-то все-таки на стенах должно висеть...

Под утро я до того разнервничался, что разорвал пополам самый жуткий из плакатов, швырнул на пол и принялся топтать ботинками (летнюю полевую форму нам уже выдали). Лёха отобрал у меня оба обрывка, жалостливо на меня поглядывая, кое-как склеил истоптанное, прикрепил на место – и разорвать по новой не позволил.

Проверка нагрянула часам к двум.

В бывшую бытовку, а ныне красный уголок вошли с надменным видом человек пять незнакомых офицеров. За их спинами моталась исполненная отчаяния физия замполита. Судя по всему, наглядная агитация в прочих подразделениях дивизиона критики не выдержала. А нашу стартовую батарею, стало быть, приберегли напоследок как самую раздолбайскую.

– Встать! Смирно! – догадался подать команду Лёха.

Я встал. Поясница гудела. Башка – тоже. Мне уже было все равно, что со мной сделают за мои художества.

– Ну вот! – бодро воскликнул кто-то. – Можем же, когда захотим!

Очнулся я, завертел головой. Вы не поверите, но проверяющие вели себя как в зале воинской славы: с огромным уважением разглядывали они – кто разорванную пополам агитку, а кто и просто голый участок бетона.

Потом я заметил комбата. «Дед» Сапрыкин стоял в проеме и с откровенной ухмылкой наблюдал за происходящим.

* * *

– Ну что? – ворчливо осведомился он, когда высокие гости отбыли восвояси. – Не подвел Леший?

– Никак нет, товарищ майор, не подвел!

Чуть запрокинув голову, комбат еще раз оглядел обезображенные плакатами стены.

– М-да... Век бы стоял и любовался...

И я понял вдруг, почему он прячет глаза под козырьком. Глаза-то у него, братцы, глумливые! А то и вовсе нетрезвые.

– Спасибо за службу, – подбил он итог, опять-таки не без издевки. – Обоим отдыхать до вечера...

В «консервную банку», как мы именовали попросту наш ангар, идти не хотелось – отдохнуть там просто не дадут. Дрыхнувший среди бела дня салабон – зрелище возмутительное и недопустимое, даже если он дрыхнет с разрешения начальства. Раскинули мы в бытовке две раскладушки и сыграли отбой.

– Лёх, – перед тем как провалиться в сон, пробормотал я. – А вдруг он тоже леший?

– Кто?

– Комбат.

– Да ну, фигня! – поразмыслив, отозвался Лёха, но, как мне почудилось, не слишком уверенно.

– А почему ты его тогда обморочить не можешь?

– Не знаю... Боюсь я его...

И вспомнилось мне бессмертное гоголевское: «...от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет».

* * *

Кому-то может показаться, будто мы в нашем ракетном дивизионе только и делали, что выгружали щебень, бетонировали, огребали внеочередные наряды и дурили проверяющих. Ну не без этого, понятно, – строящийся объект, вместо настоящих боевых изделий в капонирах стоят макеты, но, во-первых, с виду их хрен отличишь, а во-вторых, остальное-то все – действующее!

Мне как-то ближе были бетонные работы, нежели возня с аппаратурой. Ибо я и электроника суть вещи несовместные.

Так, однажды при моем непосредственном участии мы едва не пальнули (условно, конечно!) по вылезшему на вершину холма колхозному трактору, квалифицировав его как низколетящую малоскоростную цель, и в общем-то были правы. Трудно придумать нечто более низколетящее и менее скоростное.

Вот, скажем, кабина управления стартом. «Дед» Сапрыкин мыслит над выдвинутым из стенки блоком, а я стою рядом, готовый к услугам. В происходящем не понимаю ничегошеньки, твердо знаю одно: как только зеленый огонек на передней панели перестанет мигать и начнет гореть ровно, дело сделано – блок исправен.

– Отвертку принеси, – велит комбат. – На столе в бытовке...

С лязгом ссыпаясь из напичканного электроникой вагончика по металлической лесенке. Несколько шагов – и я в бытовке (том самом закутке, который мы с Лёхой оформляли), беру со стола отвертку, возвращаюсь...

А «Дед»-то уже навеселе!

Когда успел?!

Вручаю инструмент и тупо смотрю, как неторопливые умные пальцы комбата в течение какой-нибудь минуты заставляют огонек возгореться ровным зеленым светом. И отвертка не потребовалась.

– На!... – И «Дед» вручает мне отработавшую срок лампу. – В телевизор вставишь. В телевизоре она еще сгодится...

Вечером рассказываю обо всем в казарме.

– Ребята, – говорю. – А как это он?

– Так у него спирт в сейфе, – объясняют мне, снимая заднюю стенку с телевизора. – Ты еще ногу на верхнюю ступеньку ставил, а он уже ключик проворачивал. До секунды все рассчитано, понял?

Да-а, такого, пожалуй, обморочишь...

* * *

А Лёху Лешего, между прочим, к регламентным работам распоряжением комбата близко не подпускали. Черт знает почему, но в его присутствии все лампы выходили из параметров, а осциллограф начинал выдавать такие елки зеленые, что мама не горюй!

Дело рядовому Лешему нашлось другое.

В начале июля возле кишлака пробило какую-то там трубу, и вода, предназначенная для колхозных виноградников, принялась заболачивать территорию дивизиона. Командуй стартовой батареей не «Дед», а кто-нибудь другой, кинулся бы к председателю-узбеку и закатил грандиозный скандал, перемежая матерные тирады обвинениями политического характера вплоть до умышленного подрыва нашей обороноспособности. Испуганный председатель поклялся бы мамой, что завтра же все исправят, – ну и, как водится, оказался бы на поверку клятвопреступником.

Но тем-то и славен был майор Сапрыкин, что любую неприятность умел обращать во благо. Две страсти владели его душой: где б чего выпить и где б чего построить. Он мог простить неподшитый подворотничок и скверную выправку, но вид болтающегося без работы военнослужащего приводил его в неистовство.

Так что, сами понимаете, ругаться с протекшим на нас председателем майор не стал. Оглядев из-под низко надвинутого козырька отворившиеся хляби земные, он справедливо рассудил, что до осени трубу узбеки вряд ли починят, удовлетворенно крякнул и тут же отдал приказ: всех солдат (кроме тех, конечно, что несли боевое дежурство) бросить на дренажные работы. Воду отвели в овражек – и за капонирами в скором времени возникло буколическое озерцо, возле которого велено было разбить огород, отрядив для полива и охраны военнослужащего из местных (того самого стукача-узбека). И все лето на обеденном столе стартовиков алел, на зависть радиотехнической батарее, свежий – только что с грядки – помидорный салат.

Стоило, однако, первым плодам порозоветь, повадились туда наши «дедушки», и пришлось комбату сторожа сменить – как не оправдавшего доверия. Сторожем стал Лёха Леший.

Вот когда чудеса начались!

Территория части – три квадратных километра. Ну и как там, скажите, можно заблудиться? Тем не менее рядовой Горкуша чуть умом не тронулся, битый час пытаюсь выйти к запруде и каждый раз оказываясь возле третьего капонира.

Тогда он поступил по-другому. Сразу после проверки подозвал Лёху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.